

В прошлой жизни у Чэнь Сяююня был неплохой китайский язык, но математика была очень слабой. Из-за высокой температуры, которая повредила память, его способности к пониманию были низкими. То, что другие учили за три раза, он не мог понять и за пять раз. Учителя считали его глупым, одноклассники тоже его презирали, и со временем он разлюбил учёбу, особенно математику. Когда он пошёл в среднюю школу, он практически не понимал математику на уроках.

Однажды на математике Чэнь Сяююнь получил всего три балла. Учитель математики разозлился и больше никогда не обращал на него внимания. Слушает он на уроке или нет — ему было всё равно, поэтому Чэнь Сяююнь проводил уроки математики во сне.

В этой жизни он переродился, память не была повреждена, плюс к тому же у него появился такой чит, как фотографическая память.

Сейчас, глядя в учебник, он вспоминал всё, что учителя объясняли на уроках в прошлой жизни, и теперь очень легко понимал, как решать задачи.

Те уравнения, которые раньше не мог решить никак, теперь, казалось, решал за одну минуту.

Думал он о том, что если бы в прошлой жизни не пал духом, то закончил бы не только среднюю школу.

В этой жизни обязательно нужно много учиться, учиться до тех пор, пока это возможно (□□□)

Чэнь Сяююнь смотрел в учебник и грелся на солнце. Солнце так его грело, что он клевал носом, и он размышлял, не вздремнуть ли немного.

— Сяо Юнь, ты же с Чэнь Линем пошёл играть, почему ты тут один? — Чэнь Чжу вернулась домой и увидела своего маленького племянника, сидящего на солнце и держащего в руках её учебник за третий класс. Она подумала, что он точно не понимает, что там написано, и, наверное, смотрит на картинки от скуки.

Чэнь Чжу очень любила звать его Сяо Юнь, это прозвище сохранилось до самой его смерти, Чэнь Чжу звала его так всё время. Он не раз протестовал, просил её так не называть, чувствовал, что это звучит как название евнуха, но каждый раз протесты были безрезультатны.

Эх. В этой жизни всё равно так зовут.

— Тётя, я не хочу играть с ними, — Чэнь Сяююнь отложил книгу и опустил голову, притворяясь очень обиженным.

Увидев его вид, Чэнь Чжу поняла, что его точно обидели, и с тревогой спросила:

— Что случилось? Они тебя обидели, да?

— Они заставили меня стать вором, — закончив, он снова ущипнул себя за бедро, думая, что сегодня обязательно нужно, чтобы эти пацаны получили взбучку, иначе зря он себя ущипнул.

— Что? Заставили воровать? Воровать что? Ты ведь не украл, да? — Услышав, что маленького племянника заставили быть вором, Чэнь Чжу тут же заволновалась.

Если бы он действительно украл что-то и получил клеймо вора, жизнь племянника была бы ruined.

— Я не согласился. Они заставили меня украсть посевной арахис из дома, сказали, что если не украду, то не возьмут меня играть.

Услышав это, Чэнь Чжу разозлилась не на шутку, она обняла племянника и стала успокаивать:

— Ничего, не беда, если они не хотят с тобой играть, нам и не надо с ними играть. Тётя с тобой поиграет.

Смотря, как плачет племянник, Чэнь Чжу на душе было тяжело.

Она знала, почему эти дети обижают племянника. Всё из-за того, что взрослые дома часто говорят всякий вздор, не иначе как о том, что у племянника неудачная судьба, что он «сглазил» собственную маму, что он ребёнок без мамы и тому подобное. Дети это слышат и начинают повторять.

— Не плачь, дедушка с бабушкой скоро вернутся, они купят тебе конфет. Мы не будем плакать, — говорила она, вытирая Чэнь Сяююню слёзы и целуя его в щёку.

— Пойдём, мы зарежем фазана и потушим его на обед, — Чэнь Чжу взяла Чэнь Сяююня за руку и повела его на кухню, готовить курицу.

Услышав, что будут резать фазана, у Чэнь Сяююня потекли слюнки. Фазан! Какое лакомство!

Чэнь Чжу, видя его вид, поняла, что он настоящий обжора.

Чэнь Сяююнь сел у устья печи греть воду, Чэнь Чжу вытащила фазана, схватила его за шею, подставила под него миску для сбора крови, а затем одним движением перерезала шею. Фазан только пару раз дернулся и затих.

Чэнь Сяююнь потрогал свою шею и содрогнулся.

Оказывается, его тётя с детства была женщиной с сильным характером, в тринадцать лет уже осмеливалась резать курицу. В прошлой жизни он видел девушек, которым уже за двадцать, и они боялись даже смотреть, как режут курицу.

Чэнь Сяююнь помнил, что в прошлой жизни один раз на овощном рынке он покупал курицу и попросил хозяина её зарезать. Рядом стояла женщина, увидевшая это, и сказала, что это очень жестоко. Чэнь Сяююнь тогда подумал: «Блин».

Если тебе кажется жестоко, так не ешь! Чёрт, сказала она, что это жестоко, а потом попросила хозяина зарезать одну и для неё. Когда хозяин резал ей, она всё время стояла рядом, хмурилась и говорила, что хозяин жестокий.

Чэнь Сяююнь тогда подумал, что это просто какой-то кошмар, какие же люди странные.

Пока Чэнь Сяююнь предавался размышлениям, Чэнь Чжу уже ошипала курицу и мыла мясо.

Чэнь Сяююнь спросил Чэнь Чжу, как она собирается готовить эту курицу. Чэнь Чжу ответила, что просто потушит, а как же ещё.

Чэнь Сяююнь подумал, что в деревне курицу действительно обычно едят тушёной, но вспомнив про курицу с арахисом, острую курицу, курицу со свиным жиром и другие блюда из прошлой жизни, он again пустил слюну.

Курица с арахисом — нереально, нет таких ингредиентов, а вот острую курицу вполне можно сделать (□□)

Основные ингредиенты для острой курицы: перец, сычуаньский перец, чеснок, курица — всё это было дома. Что до остального, то не будем придираться.

Чэнь Сяюнь рассказал Чэнь Чжу рецепт острой курицы. Чэнь Чжу спросила, откуда он это знает. Чэнь Сяюню пришлось соврать, сказав, что он увидел это по телевизору у учителя и запомнил.

Чэнь Чжу рассмеялась, назвав его обжорой, а Чэнь Сяюнь просто хихикнул.

Чэнь Чжу решила попробовать приготовить острую курицу. Она отрезала филейную часть фазана, так как эта часть мяса при тушении получается жёсткой и годится только для жарки.

В соседнем котле она варила куриный бульон, примерно через час она бросила туда немного грибов.

Эти грибы она собрала в горах. Это были не те шампиньоны или вёшенки, что продаются в городе, а особый гриб, растущий в деревнях, называемый сосновым грибом. Он был красным и рос только у корней сосен, обладая очень свежим вкусом.

Если готовить только сосновые грибы, то их ножки на вкус очень напоминают курицу.

В прошлой жизни Чэнь Сяюнь однажды попал в неловкую ситуацию. Бабушка приготовила ему лапшу с сосновыми грибами, положив туда только ножки грибов, а он подумал, что это курица.

Он тогда сказал:

— Бабушка, откуда курица? Мы что, зарезали курицу? Бабушка подшутила над ним:

— Да, мы зарезали курицу.

Услышав это, Чэнь Сяюнь специально побежал посмотреть на кур, пересчитал их и обнаружил, что ни одна не пропала. Он ещё гадал, откуда взялась курица.

Вечером, когда дедушка вернулся, он специально спросил его. Дедушка выслушал и сказал:

— Да всё потому, что ты лакомка, боги специально тебе прислали.

Бабушка, слушая это рядом, смеялась долгое время, смеялась очень долго, прежде чем сказать ему, что это были сосновые грибы.

Чэнь Чжу посмотрела на солнце на улице, прикинула, что дедушка с бабушкой, ушедшие на базар, скоро вернуться, и начала готовить рис.

В то время в доме Чэнь Сяюня не было ни часов, ни будильника. Можно сказать, что в их местности в то время практически не было часов, и даже сейчас, в 2017 году, в некоторых деревнях часов нет.

Все определяли время по солнцу, и определяли очень точно. Чэнь Сяюнь, проживший в деревне более десяти лет, так и не освоил этот навык~~

На обед был рис, основное блюдо — картофель: ломтиками, соломкой, а сегодня ещё добавилась острая курица и суп из сосновых грибов.

И правда, еда была готова недолго, как дедушка с бабушкой вернулись. Вся семья села за стол есть.

В руке Чэнь Сяюнь держал куриную ножку, которую ему положил дедушка, в рот он хлебал куриный суп, а глаза смотрели на острую курицу — он был так занят, что не успевал есть.

Дедушка, пока ел, подсчитывал, сколько сегодня заработали. В деревне редко придерживались правила «за едой не разговаривают».

Он подсчитал: перец — 4 цзяо за цзинь, ровно 100 цзиней — это 40 юаней; яйца — 25 штук, изначально было 30, но за эти дни Чэнь Сяюнь съел 5, по 5 цзяо за штуку — это 12 юаней 5 цзяо; два фазана — по 7 юаней за штуку, два — это 14 юаней. Если бы продавали в уездном городе, фазаны определённо стоили бы дороже, но на посёлке это уже хорошая цена; кое-какие мелочи и обрезки тоже продали за 3 юаня.

Сегодня всего заработали 69 юаней 50 цзяо. Для деревенской семьи это уже считалось высоким доходом, не каждый раз удавалось заработать так много. Раньше каждый раз было немного больше десяти или несколько десятков юаней, редко больше пятидесяти. В этот раз добавилось два фазана, да и эти фазаны достались даром, что равносильно чистым 14 юаням прибыли.

<http://bllate.org/book/16464/1494427>